

Манифест акселерационистской политики

Алекс Уильямс, Ник Шрничек

01. Введение: о конъюнктуре

1. В НАЧАЛЕ второго десятилетия XXI века мировая цивилизация сталкивается с новым типом катаклизмов. Надвигающийся апокалипсис делает смехотворными все те политические нормы и структуры, которые возникли при зарождении национального государства, при подъеме капитализма и в XX веке с его беспрецедентными войнами.

2. Наиболее серьезным из этих катаклизмов можно считать разрушение сложившейся планетарной климатической системы, последствия чего могут угрожать дальнейшему существованию человечества в его нынешнем виде. Хотя это можно считать одной из наиболее серьезных угроз, стоящих перед человечеством, есть и ряд иных проблем — пусть менее масштабных, но потенциально тоже угрожающих дестабилизировать ситуацию на планете. Кроме того, все эти проблемы накладываются друг на друга. Перспектива истощения конечных природных ресурсов (в особенности воды и энергоресурсов) может привести к массовому голоду, коллапсу нынешних экономических парадигм, к новым холодным и полномасштабным войнам.

Продолжающийся финансовый кризис уже привел к тому, что правительства приняли курс, который по сути является «смертельным пиком»: меры экономии, приватизация социальных служб, массовая безработица и стагнация зарплат. Усиление автоматизации производственных процессов, в том числе и «интеллектуального труда», свидетельствует также и о том, что долговременный

Перевод с английского *Дмитрия Колесника* по изданию: © *Williams A., Srnicek N.* #Accelerate: Manifesto for an Accelerationist Politics // #ACCELERATE: The Accelerationist Reader / R. Mackay, A. Avanessian (eds). Falmouth: Urbanomic, 2014. P. 347–362. Публикуется с любезного разрешения составителей.

кризис капитализма вскоре будет проявляться в неспособности поддерживать нынешние жизненные стандарты даже для бывшего среднего класса стран глобального Севера.

3. В отличие от этих стремительно приближающихся катастроф современная политика скована неспособностью производить новые идеи и новые способы организации, необходимые для трансформации нашего общества таким образом, чтобы оно смогло решить данные проблемы и устранить угрозы уничтожения. По мере того как кризис набирает силу и скорость, политика лишь чахнет и отступает. Таким образом, паралич политического вооружения лишает нас самого будущего.

4. С 1979 года господствующей в мире политической идеологией стал неолиберализм, которому (в разных его вариациях) следуют практически все экономически развитые страны. Несмотря на глубокие структурные вызовы, которые бросают ему новые глобальные проблемы (в первую очередь кредитный, финансовый и фискальный кризис 2007–2008 годов), неолиберальные программы продолжают по-прежнему проводиться в жизнь, причем с еще большим рвением. Таким образом, неолиберальный проект, или «неолиберализм 2.0», продолжается, и в его рамках начинается осуществление второго раунда структурных реформ. Наиболее серьезным его проявлением стало агрессивное вторжение частного сектора в то, что еще осталось от институтов и служб социал-демократической эпохи. Это происходит, несмотря на негативные последствия для экономики и общества в целом, а также новые фундаментальные проблемы, которые ставит перед нами новый глобальный кризис.

5. То, что правые силы — правительственные, неправительственные и корпоративные — смогли «продать» программу неолиберализации, является отчасти следствием паралича и неэффективности левых, по крайней мере того, что от них осталось. Тридцать лет неолиберализма фактически вытравивали из левых партий радикальные идеи, выхолостили их и лишили народного доверия.

В лучшем случае левые партии реагировали на нынешний кризис призывами вернуться к кейнсианской экономике, несмотря на то что ныне отсутствуют уже сами условия, благодаря которым смогла развиваться послевоенная социал-демократия. Мы не можем с помощью декретов и постановлений вернуться к массовой промышленно-фордистской системе организации труда. Даже неосоциалистические режимы Южной Америки, возникшие в ходе Боливарианской революции, — хотя их пример и вдох-

новляет многих на сопротивление догмам современного капитализма — не могут продвинуться вперед и предложить альтернативу, которая выходила бы за рамки социализма образца середины XX века.

Силу организованного труда систематически подрывают изменения, порожденные неолиберальным проектом. На институциональном уровне организованному труду свойственна косность и он способен лишь слегка смягчать последствия новых структурных изменений. При отсутствии системного подхода к вопросу о формировании экономики нового типа или структурной солидарности, необходимой для изменения ситуации в целом, организованный труд оказывается практически бессильным.

Новые социальные движения, возникшие после окончания холодной войны и возрождающиеся после 2008 года, аналогичным образом оказались неспособны выработать новое политико-идеологическое мировоззрение. Вместо этого они растрачивают энергию на процесс внутренней прямой демократии и аффективной самовалоризации, которые превалируют в таких движениях над стратегической эффективностью и зачастую предлагают лишь некий вариант неопримитивистской политики локализма, якобы противостоящего абстрактному насилию глобализованного капитала с помощью шаткой и эфемерной «подлинности», присущей непосредственности сообществ.

6. При отсутствии радикально нового социального, политического, организационного и экономического видения господствующие на данный момент правые силы смогут и дальше продвигать свои узколобые и полностью надуманные теории, сколько бы реальность ни доказывала их ложность. Левые же в лучшем случае будут способны лишь частично отбивать наиболее агрессивные атаки правых. Но это ведь все равно, что король Кнуд против прилива¹. Для создания новой гегемонии левых в глобальном масштабе необходимо возрождение утраченного будущего — возрождение будущего как такового.

02. Отступление: о видах акселерационизма

1. В наши дни с идеей ускорения (акселерации) ассоциируется скорее капитализм. Сам метаболизм капитализма требует экономического роста и конкуренции между отдельными капиталисти-

1. Датский король Кнуд Великий, по преданию, безуспешно пытался приказать приливу остановиться. — *Прим. пер.*

ческими субъектами, стимулирующей технологическое развитие ради получения кем-то из них конкурентных преимуществ. Все это сопровождается социальным развалом. К тому же капитализм усиливает перемещение населения. Идеологическая самопрезентация капитализма в его неолиберальной форме сводится к высвобождению сил «креативного разрушения» — высвобождению сил, якобы стремящихся к постоянно ускоряющимся техническим и социальным инновациям.

2. Философ Ник Ланд наиболее чутко уловил это и выразил в близоруком, но завораживающем представлении о том, что сама скорость развития капитализма может произвести глобальный переход к беспрецедентной технологической сингулярности. При таком взгляде на капитал человек в конечном счете устраняется как простая обуза на пути к абстрактному планетарному разуму, который конструирует сам себя из отдельных фрагментов всех прошлых цивилизаций. Однако неолиберализм Ланда путает скорость и ускорение. Мы действительно сейчас можем двигаться быстро, но только в четко очерченных капиталистических параметрах, которые сами при этом не изменяются. Мы ощущаем при этом лишь увеличение скорости локального горизонта — простое, бессмысленное стремление вперед, но никак не ускорение (понятие, предполагающее также и самостоятельную навигацию — экспериментальный процесс новых открытий в универсальном пространстве возможностей). Именно этот тип ускорения, по нашему мнению, является крайне важным.

3. Мало того, как признают Делёз и Гваттари, с самого начала скорость капитализма ретерриторизирует то, что она же сама детерриторизирует. Прогресс, таким образом, ограничивается рамками прибавочной стоимости, резервной армии труда и свободным движением капитала. Современность сводится к статистическим подсчетам коэффициентов экономического роста, а социальные инновации покрываются коркой китчевых пережитков нашего коллективного прошлого. Поэтому тэтчеровско-рейгановская дерегуляция неплохо сочетается с викторианским «возвратом к основам» — семьей и религиозными ценностями.

4. Глубоко внутри самого неолиберализма есть напряженность: он пытается подать себя в качестве проводника модерности (воспринимаемой в буквальном смысле — как синоним модернизации), обещая в то же время некое будущее, которое в сущности не в состоянии обеспечить. Развитие неолиберализма в действи-

тельности не столько способствовало проявлению творческого потенциала индивида, сколько, наоборот, стремилось заглушить когнитивную изобретательность ради аффективного конвейера отрежиссированных взаимодействий вкупе с глобальными цепочками поставок и неофордистской производственной зоной стран Востока.

С каждым годом мы наблюдаем уменьшение и без того незначительного количества когнитариата — элитных интеллектуальных рабочих. Одновременно алгоритмическая автоматизация распространяется в сферах интеллектуального и «аффективного» труда². Хотя неолиберализм и пытается представить себя в качестве неизбежного этапа исторического развития, по сути он был всего лишь одним из возможных средств защиты от кризиса стоимости, возникшего в 1970-х. И мы имели в данном случае дело не с полным преодолением кризиса, а только с сублимацией.

5. Именно Маркса наравне с Ландом до сих пор можно считать образцовым мыслителем-акселерационистом. Вопреки хорошо известной всем нам критике Маркса, а также поведению некоторых из современных марксистов, мы должны не забывать о том, что Маркс использовал самые передовые теоретические инструменты и эмпирические данные своего времени, пытаясь полностью понять мир с тем, чтобы его изменить. Он отнюдь не был противником модерности — скорее, он пытался анализировать этот процесс с тем, чтобы вмешаться в него, понимая, что капитализм, несмотря на эксплуатацию и порочность, на тот момент был наиболее прогрессивной экономической системой. Нельзя отказываться от достижений капитализма — их необходимо ускорить и ликвидировать сами ограничения в развитии, которые налагает капиталистическая стоимость.

6. В самом деле, даже Ленин писал в 1918 году в работе «О „левом“ ребячестве»:

Социализм немыслим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. Об этом мы,

2. Согласно Негри, аффективный труд — это одна из форм аматериального труда, связанная с эмоциональным общением людей в сферах обслуживания, медицины, образования и т. д. — *Прим. пер.*

марксисты, всегда говорили, и с людьми, которые даже этого не поняли (анархисты и добрая половина левых эсеров)³.

7. Как понимал еще Маркс, капитализм не способен проводить подлинное ускорение. Аналогичным образом восприятие левой политики в качестве антитезиса техносоциального ускорения тоже является (по крайней мере отчасти) грубейшей ошибкой. В действительности же, если у левой политики и есть будущее, то это будущее, в котором она максимально приемлет эту подавленную акселерационистскую тенденцию.

03. Манифест: о будущем

1. Мы считаем, что основная линия разграничения между современными левыми проходит между теми, кто придерживается политики локализма, прямого действия и горизонтальных связей, с одной стороны, и теми, кто пытается наметить черты того, что можно назвать акселерационистской политикой, принимающей модернизацию во всей ее абстрактности, комплексности, глобальности и технологическом развитии.

Сторонники политики локальности удовлетворяются лишь созданием небольших (и функционирующих лишь временно) зон некапиталистических социальных отношений, избегая при этом реальных проблем, следующих из того обстоятельства, что им приходится сталкиваться с врагом, в сущности, нелокальным, абстрактным и глубоко укоренившимся в нашей повседневной инфраструктуре. Подобного рода политика изначально несет в себе зародыш будущих неудач. Акселерационистская политика, наоборот, пытается сохранить все достижения позднего капитализма, однако отправившись еще дальше — к выходу за рамки капиталистической системы стоимости, структур управления и тех массовых патологий развития, к которым приводит капитализм.

2. Все мы желаем работать меньше. Ведущие экономисты послевоенной эпохи действительно почему-то считали, что просвещенный капитализм неизбежно будет вести к радикальному сокращению рабочего времени. В работе «Экономические перспективы для наших внуков» (1930 год) Кейнс предвидит капиталистическое будущее, в котором рабочий день будет сокращен

3. Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1974. Т. 36. С. 300.

до трех часов. Вместо этого мы пришли к тому, что все больше размывается даже само разграничение между жизнью и работой, а работа проникает в каждый аспект возникающей ныне социальной фабрики.

3. Капитализм начал сдерживать развитие производственных сил технологии либо в лучшем случае направлять их на решение сугубо узких задач. Патентные войны, монополизация идей — все эти современные феномены указывают на то, что капитал стремится покончить с конкуренцией, а также на то, что капиталу все в большей степени свойственен ретроградный подход к технологии. Достижения неолиберализма, связанные с ускорением, не привели к сокращению рабочего времени или уменьшению стресса. Вместо мира космических путешествий, шока будущего, реализации революционного технологического потенциала мы живем во времена, когда единственное, что развивается, — это гаджеты для потребителей. Беспреданное повторение вариаций одного и того же продукта позволяет поддерживать предельный потребительский спрос, однако происходит это ценой снижения ускорения развития человечества.

4. Мы не желаем возврата к фордизму. Возврата к фордизму и быть не может. Золотой век капитализма был обусловлен производственной парадигмой упорядоченной фабричной системы организации труда — работники (мужчины) получали обеспечение основных жизненных стандартов и социальную защищенность в обмен на пожизненную отупляющую скуку и социальное угнетение. Существование данной системы базировалось на международной системе колоний/империй и недоразвитой периферии; на внутринациональной иерархии, проявлявшейся в формах расизма и сексизма; и на внутрисемейной иерархии, проявлявшейся в подчиненном положении женщины. И сколько бы некоторые ни ностальгировали по тому режиму, возврат к нему не только нежелателен, но и невозможен на практике.

5. Акселерационисты желают высвободить все сдерживаемые и латентные производственные силы. В рамках нашего проекта материальную платформу неолиберализма разрушать не следует. Ее функционирование необходимо лишь перенаправить так, чтобы она работала на удовлетворение общих нужд. Существующая инфраструктура — это не стадия капитализма, который необходимо уничтожить, а, скорее, трамплин для прыжка в посткапитализм.

6. Учитывая нынешнее порабощенное состояние технонауки — ее подчинение целям капитализма (усилившееся с конца

1970-х годов), несомненно, мы даже не знаем пока, на что способно модернизированное техносоциальное тело. Кто из нас может знать, какой неиспользуемый потенциал таится даже в тех технологиях, которые на данный момент уже существуют? Мы ставим на то, что подлинный потенциал трансформаций наших технологических и научных исследований по большому счету еще не использован. Этот потенциал, будучи неиспользованным, заполнен незадействованными качествами (или преадаптациями), которые станут решающими лишь после выхода за пределы близорукого капиталистического социуса.

7. Мы хотим ускорить процесс технологической эволюции. Однако то, о чем мы говорим, — это вовсе не техноутопизм. Не думайте, что одной лишь технологии достаточно для того, чтобы спасти нас. Она, конечно, необходима, но без социополитических действий ее будет недостаточно. Технология и социальное тесно переплетены друг с другом: изменения одного высвобождают потенциал и ускоряют изменения другого. Если техноутописты выступают за ускорение, так как считают, что он автоматически разрешит социальные конфликты, то мы утверждаем, что ускорение развития технологий необходимо как раз для того, чтобы обеспечить нам победу в социальных конфликтах.

8. Мы считаем, что при любом варианте посткапитализма потребуется и посткапиталистическое планирование. Вера в то, что после революции люди самопроизвольно смогут создать новую социоэкономическую систему, а не просто вернуться к тому же капитализму, в лучшем случае говорит о наивности, в худшем — о невежестве. Для того чтобы продвинуться дальше, нам необходимо составить когнитивную карту нынешней системы и предпологаемый образ будущей экономической системы.

9. Для этого левым необходимо взять на вооружение все технологические и научные новшества, созданные капиталистическим обществом. Мы заявляем, что квантификация — это отнюдь не некое зло, которое необходимо уничтожить, а инструмент, который необходимо использовать наиболее эффективным образом. Экономическое моделирование — это, проще говоря, то, что необходимо для постижения нашего сложного мира. Хотя финансовый кризис 2008-го показал, насколько рискованно слепо принимать на веру математические модели, однако это, скорее, проблема не легитимности властей, а не самой математики.

В качестве инструментов в данном случае можно использовать агентное моделирование, социально-сетевой анализ, анализ «больших данных» и неравновесные экономические модели — все

эти типы анализа являются необходимыми когнитивными посредниками в процессе понимания такой сложной системы, как современная экономика. И левые акселерационисты должны быть грамотными и в этих технических областях.

10. Всякая трансформация общества должна включать экономические и социальные эксперименты. Чилийский проект «Киберсин» можно считать своеобразным символом такого экспериментаторского подхода — мы видим здесь пример совмещения продвинутых кибернетических технологий, сложного экономического моделирования и демократической платформы, встроенной в саму технологическую инфраструктуру. Аналогичные эксперименты проводились в 1950–1960-х годах и советской экономикой, в ходе которых для преодоления проблем, с которыми столкнулась первая коммунистическая экономика, применялись кибернетика и линейное программирование. И причины того, что оба этих примера оказались в итоге безуспешными, следует искать в политически и технологически ограниченных возможностях того времени — в тех условиях, в которых доводилось работать первым кибернетикам.

11. Левые должны добиться социотехнической гегемонии как в сфере идей, так и в сфере материальных платформ — инфраструктуры мирового общества. Именно эти платформы создают основные параметры того, что возможно и в поведенческом, и в идеологическом плане. В этом отношении они являются воплощением материального трансцендентального нашего общества — это то, что делает возможным конкретный набор действий, отношений и типов власти. Хотя нынешняя глобальная платформа и имеет наклон в сторону капиталистических социальных отношений, такое состояние вовсе не является неизбежным или необходимым. Все эти материальные платформы производства, финансов, логистики и потребления можно перепрограммировать и переформатировать так, чтобы они служили уже нуждам посткапитализма, — и они будут перепрограммированы и переформатированы.

12. Мы отнюдь не думаем, что для достижения любой из этих целей достаточно лишь прямого действия. Привычная тактика маршей, размахивания транспарантами, создания временных автономных зон рискует стать удобной заменой подлинной результативности и успеха. «По крайней мере, мы хоть что-то делаем» — таков лозунг тех, кто ставит самооценку превыше эффективности. Единственный критерий верной тактики — ведет она в итоге к достижению значительных результатов или нет. Пора

покончить с фетишизацией устоявшихся форм политического действия.

К политике необходимо относиться как к набору динамических систем, движимых конфликтами, адаптацией, контрадаптацией и стратегической гонкой вооружений. А это означает, что любая конкретная форма политического действия со временем затупляется и становится неэффективной по мере того, как другая сторона успевает к ней приспособиться. Исторически никакая форма политического действия не является нерушимой. Со временем всегда усиливается необходимость отбросить привычную тактику, поскольку те силы и организации, против которых она используется, начинают учиться защищаться и достаточно успешно контратаковать. Причина слабости нынешних левых отчасти и заключается в их неумении быстро менять тактику.

13. Следует отбросить господствующую ныне концепцию «демократии как процесса». Фетишизация открытости, горизонтальных связей и всеобщего участия, свойственная многим современным «радикальным» левым, предопределяет неэффективность их действий. Секретность, вертикаль, недопущение кого-либо к участию — все эти аспекты также имеют место в эффективной политической деятельности (хотя, разумеется, не только они).

14. Демократия не может определяться лишь наличием демократических методов — она не определяется ни голосованием, ни дискуссией, ни собраниями. Реальная демократия должна определяться своими целями — коллективным самоуправлением. В рамках данного проекта сама политика должна равняться на наследие Просвещения — в том смысле, что, лишь в полной мере используя свои способности к пониманию самих себя и окружающего мира (нашего социального, технического, экономического и психологического мира), мы можем прийти к умению управлять сами собой. Мы должны установить коллективно контролируемую и легитимную вертикаль власти, которая будет дополнять развитые горизонтальные социальные формы: мы должны избежать вероятности как становления рабами тирании тоталитарного централизма, так и зависимости от неустойчивости ныне возникающих неподконтрольных систем. Командная система Плана должна сочетаться с импровизированным порядком Сети.

15. Мы не пытаемся подать какую-либо конкретную организацию в качестве идеального средства для достижения этих за-

дач. То, что нам необходимо (и всегда было необходимо), — это экология организаций, плюрализм сил, резонирующих и взаимно усиливающих друг друга. Сектантство — это предвестник гибели левых в той же степени, что и централизация. И поэтому мы всячески приветствуем экспериментирование с различными типами тактики (даже с теми типами тактики, с которыми мы сами не согласны).

16. У нас есть три конкретных цели, достижение которых мы считаем необходимым в среднесрочной перспективе. Во-первых, нам необходимо выстроить интеллектуальную инфраструктуру. Она должна сыграть ту же роль, что сыграло общество «Мон-Пелерин» в неолиберальной революции, то есть она должна будет создать новую идеологию, новые экономические и социальные модели и новое видение блага, которое должно заменить и превзойти отжившие свое идеалы, правящие нашим миром сейчас. Это инфраструктура в том смысле, что она требует формирования не только идей, но также институций и материальных путей внедрения, воплощения и распространения этих идей.

17. Нам необходимо провести широкомасштабную медиареформу. Несмотря на кажущуюся демократизацию медиа, которую нам дают интернет и социальные медиа, традиционные медиаиздания по-прежнему являются важным орудием при выборе и формировании нарративов, не говоря уже о том, что именно они обладают фондами, необходимыми для проведения журналистских расследований. Для того чтобы прекратить практику подачи информации о положении вещей в ее нынешнем виде, необходимо, насколько это возможно, поставить под народный контроль все эти институции.

18. И наконец, нам необходимо восстановить различные формы классовой власти. Данный процесс должен выходить за рамки концепции о том, что органически сформировавшийся глобальный пролетариат уже существует. Вместо этого мы должны попытаться связать воедино разрозненное множество частично пролетарских идентичностей, воплощенных в постфордистских формах precarious труда.

19. Уже существуют различные группы и отдельные личности, работающие над достижением каждой из этих трех целей по отдельности, однако этого недостаточно. Необходимы взаимодействие и обратная связь групп, работающих в каждом направлении, причем таким образом, чтобы такого рода взаимодействие делало работу каждой из них более эффективной. Это

позитивная петля обратной связи инфраструктурной, идеологической, социальной и экономической трансформации, производящая новую комплексную гегемонию, новую посткапиталистическую техносоциальную платформу. История говорит нам о том, что системные изменения всегда являлись результатом широкого объединения различных типов тактики и организации. И нам следует извлечь из данного обстоятельства определенные уроки.

20. Для достижения каждой из означенных целей на практическом уровне левые акселерационисты должны всерьез подумать над притоком денег и ресурсов, необходимых для строительства эффективной и новой политической инфраструктуры.

Помимо «власти народа» на улицах нам потребуются финансовые средства, которые мы можем получить у правительств, институтов, «мозговых» центров, профсоюзов или частных лиц. Мы считаем приток и размещение финансов существенным условием для начала строительства самой экологии эффективных акселерационистских левых организаций.

21. Мы заявляем, что лишь политика Прометея — политика, стремящаяся к максимальной власти над обществом и природой, — способна решить глобальные проблемы и достичь в итоге победы над капиталом. Однако управление в данном случае — это не то, о чем говорили наши любимые мыслители эпохи Просвещения. Представления Лапласа о вселенной как о часовом механизме, которым несложно управлять при наличии необходимой информации, давно уже не соответствуют серьезному современному научному восприятию мира.

Однако это вовсе не означает, что необходимо равняться на пережитки устаревшего постмодернизма, отвергавшего любое управление как протофашистское и считавшего власть изначально нелегитимной. Вопреки подобной точке зрения мы считаем, что проблемы, с которыми сталкиваются наша планета и наш биологический вид, обязывают нас вернуться к идее управления обществом и природой в ее новом и более сложном виде. И хотя мы не можем предсказать результаты наших действий с точностью, мы можем определить их с некоторой долей вероятности. Такого рода комплексный системный анализ должен дополняться новыми формами политического действия, основанными на импровизации и способности осуществлять замысел уже непосредственно в ходе практики, решая непредвиденные проблемы в ходе их возникновения, сочетая геосоциальную искусность с изяществом рациональности. В целом же необходимо абдуктивное эксперимен-

тирование, стремящееся найти наилучшие формы действия в нашем сложном мире.

22. Нам необходимо возродить старый аргумент в пользу посткапитализма: капитализм — это не только несправедливая и извращенная система, но и система, сдерживающая прогресс. Капитализм подавляет наше технологическое развитие в той же степени, в котором прежде высвобождал его. Акселерационизм — это убежденность в том, что потенциал технологического прогресса может и должен быть высвобожден посредством выхода за рамки, налагаемые капиталистическим обществом.

Движение, стремящееся к преодолению нынешних ограничений, должно включать в себя не только борьбу за глобальное общество, основанное на более рациональных принципах. Мы считаем, что оно должно также возродить мечты, овладевавшие многими с середины XIX столетия до начала неолиберальной эпохи, — стремления вида *Homo sapiens* выйти за рамки планеты Земля и наших физических телесных форм. Подобное видение будущего сегодня считается неким пережитком эпохи наивности, что говорит лишь о свойственном нашему времени дефиците воображения. Именно такого рода стремления дают нам обещание будущего, способное вызывать как эмоциональное вдохновение, так и интеллектуальное пробуждение.

В конце концов, лишь посткапиталистическое общество, которое станет возможным благодаря акселерационистской политике, способно будет осуществить мечту, которую нам дали космические программы середины XX века, и выйти за пределы мира, где возможны лишь минимальные технические усовершенствования, в мир всеохватных изменений — в эпоху коллективного самоуправления и совершенно внеземного будущего. Где возможно полное осуществление проекта Просвещения — проекта самокритики и самоуправления, — а не его уничтожение.

23. Стоящий перед нами выбор суров: либо глобализированный посткапитализм, либо медленная фрагментация человечества и движение к примитивизму, вечному кризису и планетарной экологической катастрофе.

24. Будущее должно быть построено. Его последовательно уничтожал неолиберальный капитализм — он обещает нам лишь дальнейший рост неравенства, конфликтов и хаоса. Кризис самой идеи будущего является лишь свидетельством исторически регрессивной стадии нашего нынешнего общества, а вовсе не признаком зрелого скептицизма, в чем пытаются нас убедить циники всех разновидностей политического спектра. Акселера-

ционизм выступает за более модернистское будущее — альтернативную модернность, которую неолиберализм по самой своей природе не в состоянии создать. Будущее необходимо снова взломать — раскрыть горизонт вселенских возможностей мира Запредельного.

14 мая 2013 года